HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Michael Moser, “Юности честное зерцало” 1717 г. У истоков русского литературного языка. Wien : Lit 2020, 454 S.
Author(s)	Даценко, Игорь
Citation	Acta Slavica Iaponica, 43, 186-188
Issue Date	2022
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.43.186
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/93347
Type	departmental bulletin paper
File Information	Acta43_08_Acta43BookReviews-02.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Michael Moser. “Юности честное зерцало” 1717 г. У истоков русского литературного языка. Wien: Lit 2020, 454 S.

История русского литературного языка на протяжении многих столетий (XI—XVII вв.) была связана с историей церковнославянского языка. Русский литературный язык нового времени несет в себе следы древних традиций, но изменения, отдалившие современный русский язык от церковнославянского, в исторической перспективе произошли сравнительно недавно и быстро: языковые новшества условно начались в период культурных реформ Петра I, а “Российская грамматика” М. Ломоносова 1757 г. их закрепила. Появившиеся только в последние десятилетия исследования подтверждают, какими большими усилиями происходили изменения письменного языка в начале XVIII в. и как церковнославянская традиция пыталась не допустить появления назревших языковых обновлений. На примере одной книги начала XVIII в. “Юности честное зерцало” (дальше — ЮЧЗ) австрийский славист М. Мозер показывает все трудности формирования современного русского литературного языка на раннем этапе.

Данное исследование состоит из вступления и восьми частей. Первые четыре части посвящены историческим и социальным условиям написания памятника. Следующие три части касаются непосредственно лингвистического анализа ЮЧЗ. Восьмая часть завершает исследование. В начале книги помещено ее содержание, а в конце имеется библиография и указатель личных имен.

Из всех частей монографии только вступление, одинаковое по содержанию, написано на двух языках: немецком и русском — и озаглавлено соответственно как “Vorwort” и “Предисловие”. В нем подчеркивается важность исследования языковых реформ начала XVIII в. для полного понимания процесса становления русского литературного языка новой эпохи. Кроме того, обосновывается выбор ЮЧЗ в качестве предмета исследования — книги начала XVIII в., характеризующейся в языковом отношении чрезмерной неупорядоченностью и вариативностью.

В разделе 1 «Загадочное “Юности честное зерцало”» указывается, что гетерогенность памятника проявляется в разном языковом оформлении различных частей. Например, язык набранного новым гражданским шрифтом букваря можно еще рассматривать как вполне церковнославянский. Кроме того, глава для юношей написана на “простом языке”, а правила поведения для девушек написаны на церковнославянском. Соглашаясь с таким выводом, отметим, что “простой язык” в целом был особенным явлением в истории украинского и белорусского языков, а не русского. Более того, по словам автора, церковнославянский язык этого памятника основывается скорее на украинском изводе, чем на русском. М. Мозер предполагает, что одной из возможных причин языковой гетерогенности ЮЧЗ было то, что над созданием памятника работали авторы, для которых русский язык не был родным: немец Иоганн Вернер Паус, украинец Гавриил Бужинский и шотландец Джеймс Дэниэл Брюс. Другой причиной был компилятивный характер памятника, создававшегося на основании разных западноевропейских произведений.

В разделе 2 «“Юности честное зерцало” в историческом контексте» рассматриваются социально-политические предпосылки развития русского

языка в начале XVIII в. Одним из факторов, повлиявших на начало культурных реформ, было то, что западные части Российской Империи, современные Украина и Беларусь, постоянно имели политические и культурные отношения с западным миром. Во-вторых, особенное влияние на воспитание Петра I оказали иностранцы, проживавшие в Немецкой слободе. В-третьих, это анонимная поездка будущего русского императора в страны Западной Европы, известная как "Великое посольство".

Очень короткий раздел 3 "Введение арабских цифр" обращает внимание читателя на то, что арабские цифры были известны еще в Московском государстве, однако осознание их важности для развития точных наук произошло в ходе петровских реформ.

Важным элементом в развитии русского языка XVIII в., обусловившим разделение светской и церковной письменности, было введение гражданского шрифта, которому посвящен раздел 4 «"Амстердамская" или "белорусская" азбука? Выработка "гражданского шрифта"». Исследователь отрицает общепринятое положение, будто бы Петр I лично создавал образцы новых букв. Скорее всего, российский император только выбирал на свой вкус рисунки, предложенные голландскими мастерами Куленбахом (имя неизвестно), Антоном Демеем, Индриком Силбахом (в "Указателе" обозначен как "Сильбах, Г.", на с. 100 также встречается "наборщик Генрих Сильбах"; вероятнее всего, речь идет об одном и том же лице, однако указания на Индрика Силбаха, о котором говорится на с. 136–137, отсутствуют в "Указателе") и Яном Фоскулом. Вторым источником, послужившим основой для нового типа начертания букв, была латинская антиква. Именно с ориентацией на антикву еще в XVI в. печатал свои книги Франциск Скорина, традиции которого в XVII в. развивались в книгопечатном деле на Западной Руси, где в силу польского влияния существовала мода на латинскую антикву.

В разделе 5 «Обзор оценок языка "Юности честного зерцала"» указывается, что анализируемый памятник был объектом внимания ведущих исследователей современного русского литературного языка, среди которых В. Виноградов, Г. Винокур, А. Исаченко, Б. Успенский, В. Живов и др.

В разделе 6 "Структура "Юности честного зерцала" и причины языкового разнообразия" говорится, что данный памятник не является образцом связного, монолитного произведения. Он состоит из трех гетерогенных в языковом отношении частей (см. выше): букварь, глава для юношей и глава для девушек. В предыдущих исследованиях внимание акцентировалось в основном на главе для юношей, а две остальные части полностью или частично игнорировались. М. Мозер также отмечает "юбилейное" переработанное издание ЮЧЗ, вышедшее в Императорской академии наук в 1767 г.

Самым большим по объему является раздел 7 «Язык "Юности честного зерцала"». В целом, не останавливаясь на технических подробностях, что заняло бы очень много места, нужно отдать должное скрупулезности лингвистического анализа. Исследование произведено на всех языковых уровнях, включая пунктуацию. Анализ сопровождается фотокопиями текста, что повышает доверие к паспортизации примеров и исключает возможные опечатки при компьютерном наборе. С особенной тщательностью описывается часто игнорируемый многими исследователями синтаксис. Сопоставляются не только

два указанные выше издания, но и привлекается материал "Азбуки" 1710 г. Рассматривая особенности словоизменения на примере форм, принадлежащих разным лексико-грамматическим категориям, автор несколько раз подчеркивает, что и в издании 1717 г., и в издании 1767 г. (то есть уже после выхода грамматики М. Ломоносова) традиции церковнославянской письменности были еще настолько сильными, что смешивание книжных и просторечных флексий не всегда происходило с целью стилистической дифференциации определенных текстов.

В завершение, в разделе 8 "Вместо выводов: почему "Юности честное зерцало" так и не стало широко распространенным пособием?", М. Мозер указывает, что в XVIII в. церковнославянский язык восточнославянского извода еще занимал сильные позиции в самой России, а также лег в основу книжного "славяносербского" языка. Образцом подобного рода церковнославянизации русского языка и русификирования церковнославянского языка и было ЮЧЗ.

Еще раз отмечая высокий научный уровень исследования и оригинальность взглядов на историю русского литературного языка, хотелось бы выразить некоторые пожелания. Во-первых, нам кажется, что для более легкого восприятия текста целесообразно все восемь частей структурировать в 2-3 более крупных раздела. Во-вторых, в тексте подчеркивается особенная роль украинского извода церковнославянского языка на раннем этапе формирования современного русского литературного языка. Однако, исследуя вместе с автором язык ЮЧЗ, читатель не всегда замечает следы этого влияния (кроме лексики). Возможно, поскольку само существование украинского извода церковнославянского языка с оговорками признается пока что только некоторыми славистами, стоило бы в отдельной главе назвать его отличительные черты и выделить последние, анализируя язык ЮЧЗ.

Кроме уже указанных погрешностей, в исследовании имеются опечатки, недосмотры в числовых обозначениях, неточности в употреблении лингвистической терминологии. Например, вместо термина "вторая палатализация" употребляется сочетание "другая палатализация" (с. 281; ср. укр. *другий* 'второй'. Та же оплошность в сочетании "между другим и третьим вариантом буквы", с. 188). В отношении прилагательных употребляется термин "длинная форма" вместо "полная форма" (с. 316, 317, 361). В некоторых случаях используются термины "большая буква" и "малая буква" вместо более корректных "прописная (заглавная) буква" и "строчная буква" (с. 198). В библиографическом списке отсутствуют некоторые научные работы, на которые есть ссылка в тексте исследования, иногда случаются нарушения алфавитного порядка библиографических источников.

Игорь Даценко